

И. А. Ким
(канд. социол. наук,
г. Волгоград)

DOI 10.22162/2587-6503-2017-2-2-89-94

Процессы самоидентификации корейского населения Юга России

Современные российские корейцы — это потомки советских корейцев, депортированных в 1937 г. с российских дальневосточных территорий в Казахстан и Узбекистан. По данным последней переписи населения СССР, проведенной в 1989 г., в РСФСР проживал 107 051 кореец, из них в областях, краях и республиках, ныне объединенных в Южный и Северо-Кавказский федеральные округа, — 25 662 чел.; в Казахстане — 103 315 чел., в Узбекистане — 183 140 чел., в Таджикистане — 13 431 чел. [ВПН... 2002].

После развала СССР для бывших советских корейцев наступил новый миграционный период. Кроме спешных внутригосударственных перемещений, многим из них пришлось эмигрировать из новых центральноазиатских государств. Одним из направлений массовой миграции была Россия, а также Украина. Таким образом, для миграционной истории российских корейцев характерно разнообразие видов перемещений, в ряду которых депортация, иммиграция, реэмиграция, которые влияли на восприятие собственной идентичности, ведь, судя по наблюдениям ученых, подобные миграции требуют «трудной работы ... понимания этнических основ собственного существования» [Лебедева 1999: 192].

В постсоветское время интенсивный количественный прирост корейского населения в России происходил за счет миграционных потоков из бывших советских республик. Часть из них направилась в дальневосточные районы, часть — в южные регионы, а также ближе к столице. В общей структуре корейского населения РФ доля ЮФО (включая СКФО) к 2002 г. увеличилась до 26,3 % (39 031 чел.) [ВПН... 2002], к 2010 г. — 26,2 % (40 191 чел.) [ВПН... 2010] (табл. 1).

Таблица 1. *Корейское население южных регионов РФ*

Район	2002 г.	2010 г.
Астраханская область	2 072	2 939
Краснодарский край	3 289	3 952
Республика Адыгея	820	766
Ставропольский край	7 095	6 759
Карачаево-Черкесия	51	30
Ростовская область	11 669	11 597
Республика Дагестан	302	226
Кабардино-Балкарская Республика	4 722	4 034
Республика Калмыкия	1 049	1 342
Волгоградская область	6 066	7 044
Республика Северная Осетия-Алания	1 841	1 458
Республика Ингушетия	22	15
Чеченская Республика	33	29
Всего	39 031	40 191

Нами проводились социологические исследования проблем адаптации и идентичности мигрантов вновь образованной корейской этнической общности на юге РФ в 2006 и 2014 гг. [Ли, Ким 2007: 120–148; Ким 2014: 155–169]. Большая часть опрошенных в 2014 г. прибыла из Узбекистана (59 %), из Казахстана (9 %), Таджикистана (9 %) и Киргизии (3 %). «Всегда» или «практически всю жизнь» проживали в России 17 % респондентов. Примерно такую же миграционную структуру показал опрос 2006 г.

Данные опроса 2014 г., коррелирующие с цифрами переписей населения, показывают несколько возвратных иммиграционных волн корейцев из среднеазиатских республик: а) добровольный постепенный переезд, не имеющий массового характера, в течение нескольких десятилетий, начиная с 1950-х гг.; б) вынужденное массовое переселение из среднеазиатских республик (особенно из Узбекистана и Таджикистана) после развала СССР. Пик иммиграционной активности из Таджикистана пришелся на середину 1990-х гг. Корейцы из Узбекистана прибыли двумя большими волнами — конец 1990-х гг. и начало 2000-х гг. После 2005 г. интенсивность иммиграции значительно снизилась.

Неоднократные миграционные перемещения (насильственные, вынужденные либо добровольные) повлияли на самоидентификацию

и социально-психологическую адаптацию корейской этнической общности в целом. В нашем исследовании была поставлена задача: определить структуру и динамику развития этнической и гражданской акцентуации идентичности, согласно термину [Сикевич 2012: 23], корейских иммигрантов, проживающих в южных регионах.

Успешность позитивной этнической идентичности и адаптация в новых условиях зависят от осознания себя как равноправного члена сообщества и гражданина страны проживания. Наибольший вес среди опрошенных имела самоидентификация «я российский кореец» (48 %), включающая в себя гражданскую и этническую идентификации. На втором месте гражданская самоидентификация «я россиянин» (28 %). Самоидентификация «я кореец из СНГ» также занимает немалую долю (24 %), и ее можно обозначить как неопределенную либо как самоидентификацию из прошлого.

При выборе из пар утверждений среднестатистический кореец идентифицирует себя в большей степени как «россиянин» (58 %), чем «кореец из СНГ» (42 %); более согласен с самоидентификацией «российский кореец» (69 %), нежели «россиянин» (31 %); в большей мере как «российский кореец» (73 %) в сравнении с «корейцем из СНГ» (27 %). Российская идентичность все более актуализируется для бывших жителей Центральной Азии.

Гражданская и этническая идентичности взаимозависимы. Гражданская самоидентификация «я россиянин» (гражданин, житель России), как правило, несколько понижает уровень «этнической гордости» («горжусь своей этнической принадлежностью», 64–69 %), в сравнении с идентификацией «я российский кореец» (74–79 %) и «я кореец из стран СНГ» (74–75 %). Также среди корейцев с гражданской идентификацией «я россиянин» более высок уровень безразличия к этническому маркеру идентичности (27 %).

Более длительное устойчивое проживание на территории России создает условия для гражданской самоидентификации, снижает влияние этнического маркера идентичности и уровень конфликтного восприятия. Длительность проживания в южных регионах РФ проявилась как фактор, влияющий на выбор идентичности «я россиянин» из пары с «я кореец из СНГ» (R Пирсона = 0,125) и на выбор «я российский кореец» из пары с «я кореец из СНГ» (R Пирсона = 0,143). Выбор идентичности из пары «российский кореец» и «кореец из стран СНГ» обусловлен возрастными особенностями респондентов (R Пирсона = 0,159).

Пиковое значение (21 %) в группе «я российский кореец» принадлежит молодежи (18–29 лет). В группе «я кореец из стран СНГ» количественный максимум (52 %) составляют респонденты старше 60 лет. Возможно, пожилым людям, чьи молодые годы прошли вне пределов РФ, трудно принять новую идентичность.

Гражданская самоидентификация, в свою очередь, снижает восприятие уровня местной межнациональной конфликтности. Корейцы с идентичностью «россияне» и «российские корейцы» более позитивно оценивают взаимоотношения между приезжими корейцами и местными жителями в сравнении с «корейцами из СНГ», не вполне, вероятно, адаптированными после эмиграционного и культурного шока.

Аналогичная взаимосвязь, хотя и менее выраженная, имеется по отношению к межличностным межнациональным конфликтам, которые для «корейцев из СНГ» имеют несколько большее значение.

Для народа, в памяти которого хранятся тяжелые воспоминания о репрессиях и принудительной депортации по национальному признаку, позитивная этническая идентичность имеет большое адаптивное значение, способствуя психологической и социальной переориентации в новой стрессовой ситуации. Действительно, «... интенсивность переживания этничности не является неизменной: она возрастает или ослабевает под воздействием внешних социальных условий» [Сикевич 2012: 31]. Собственная этническая принадлежность вызывает чувство гордости у 73 % опрошенных корейцев, не имеет особого значения для 20 % и для 3 % респондентов «создает дополнительные трудности». Отношение к собственной этничности определяют некоторые факторы духовной жизни респондентов: религиозность, интерес к этнической и семейной истории и др. Например, у верующих корейцев уровень этнической гордости выше, чем у атеистов. Христианство неправославного толка и буддизм, которых придерживаются респонденты, также являются маркером этнической гордости: 78 % неправославных христиан и 72 % буддистов выражают гордость своей национальной принадлежностью (рис. 1).

Чувство этнической гордости и активный интерес к собственным историческим корням также взаимосвязаны (рис. 2). Для корейцев очень важно знать свой *пой* (*пон*, *бон*), т. е. территорию происхождения родов (однофамильцев). Например, фамилия Ким принадлежит нескольким *понам*, среди которых просматривается некая историческая статусная конкуренция.

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос
«К какому вероисповеданию Вы принадлежите?»

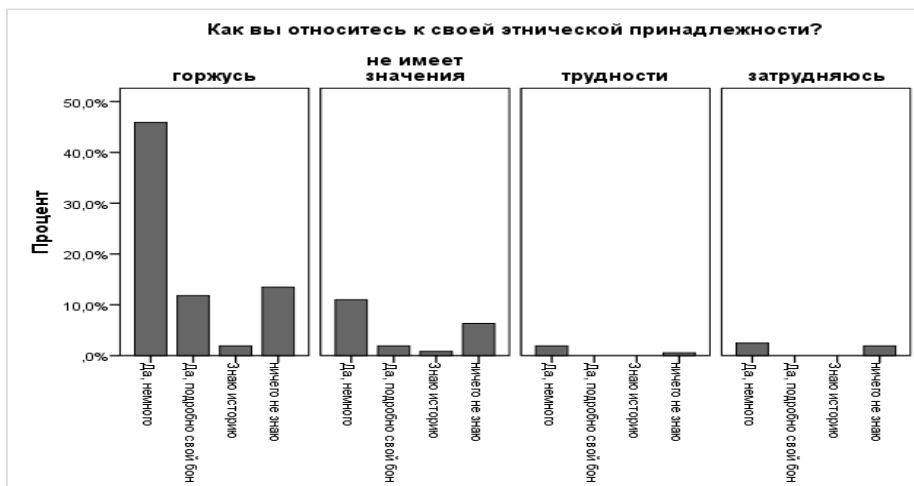

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос
«Интересуетесь ли Вы историей Вашей семьи, Вашего рода?»

Кроме того, этническая гордость больше присуща женщинам (76 %), чем мужчинам (67 %), которым их этническая принадлежность доставляет несколько больше трудностей в жизни. Низкий уровень материальной обеспеченности для части респондентов снижает основания для этнической гордости.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: а) у корейцев, проживающих в южных регионах, сохраняется позитивная этническая идентичность, по типу «нормы», что положительно влияет на взаимоотношения с местным населением; б) позитивная этническая идентичность взаимосвязана с активным интересом к собственным историческим корням (т. е. с исторической и духовной идентичностью), что позволяет определить некоторые направления этнокультурного развития корейской этнической общности на Юге России; в) активная жизненная позиция и высокий адаптивный уровень корейского населения определяются традиционными установками конфуцианства («Подчинение власти, справедливость, вежливость, разумность и верность», «Благородный муж стремится вверх, низкий человек движется вниз»), что мотивирует их на достижение высоких образовательных и экономических результатов.

Литература

Ким И. А. Исследования корейского населения Юга России: статистический и социологический анализ (2000–2014 гг.) // *The Korean Diaspora and Multicultural Societies*. Daegu. 2014. P. 155–169.

Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М.: Изд-во «Ключ», 1999. 224 с.

Ли Хен Кын, Ким И. А. Корейское население Нижнего Поволжья (по результатам социологического опроса 2006 года) // *Корейцы в России: радикальная трансформация и пути дальнейшего развития*. М., 2007. С. 120–148.

Сикевич З. В. Этнические парадоксы и культурные конфликты в российском обществе. СПб.: Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2012. 205 с.

Всероссийская перепись населения 2002. Национальный состав населения по федеральным округам [электронный ресурс] // URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus2002_02_fo.php (дата обращения: 28.02.2017).

Всероссийская перепись населения 2010. Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации [электронный ресурс] // URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php (дата обращения: 28.02.2017).